

Ирина ГОВОРУХА

ХАМСИН

Киев
«Саммит-Книга»

УДК 821.161.1(477)'06-3

Г57

*Иллюстрация на обложке:
“Woman in white” автор Yuran-78 /
Стандартная лицензия Dreamstime.com*

Говоруха Ирина.

Г57 Хамсин / Ирина Говоруха. — К. : Саммит-Книга, 2018. — 336 с. — (Серия «Отпечатки»).

ISBN 978-617-7560-74-5

ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

Роман «Хамсин» – мое самое большое откровение и моя самая честная изнанка. Черновик был написан еще в 2013 году и терпеливо ждал своего времени. Момент, когда некоторые эпизоды, очерченные приблизительно, не обретут правдивые полутона. В большинстве глав оттики разговоров сняты точно до запятых и интонаций. Одна из героинь носит мой размер платья и кольца, а под сердцем – моего ребенка. Один из героев живет в Питере, второй – делит со мной кров, еду, постель. На каждом шагу – мистика, и временами непонятно – где сон, а где явь. Внутренние голоса выходят на передний план и становятся полноценными участниками событий. Прошлое врывается в настоящее, чтобы исправить ошибки будущего. Будущее каждый из нас пишет уже сейчас.

УДК 821.161.1(477)'06-3

Все права защищены.

Полное или частичное воспроизведение материалов книги возможно только с письменного согласия правообладателя.

Профессиональная поддержка –

Адвокатское объединение «Менюк и партнеры».

ISBN 978-617-7560-74-5

ISBN 978-617-7182-68-8 (серия)

© Ирина Говоруха, 2018

© «Саммит-Книга», 2018

Хамсин

*Евреи всего мира молятся в сторону Израиля,
Евреи Израиля молятся в сторону Иерусалима,
Евреи Иерусалима молятся в сторону Стены Плача.*

Boeing 737 сделал широкий разворот над Тель-Авивом. Он так наклонил свое правое крыло, что, казалось, еще секунда — и пассажиры выпадут на каменистую израильскую землю. На невысокие желтоцветные дома, обложенные облицовочным тычковым кирпичом с оттенками старого золота, кукурузы и шафрана. С белыми водонагревательными бочками на крышах еврейских домов и черными, наполненными отстоявшейся дождевой водой, в арабских кварталах.

От резкого перепада давления появился страх, что голова взорвется раньше, чем выйдет шасси. Уши заложило с невероятной силой, и резкая боль прошла по всем меридианам от макушки до подбородка. Неприятные ощущения исчезли так же быстро, как и появились — самолет плюхнулся на теплую землю и покатился по бетонке, вызвав бурные аплодисменты.

Стрелки часов застыли на отметке 13:05. Лада сняла замшевые сапоги и облачилась в босоножки с ярким цветком на лаковом ремешке. От жары по спине побежали ручейки пота, и она сняла синюю шерстяную кофту, любовно связанную мамой. Лебедев еще по дороге в аэропорт обул сандалии на босу ногу, и когда подходил к трапу, ступая своими кривыми пальцами прямо в кашеобразный снег, кажется, ничего не чувствовал.

Они долго шли по узкому зеленому коридору, утепленному концентрированным солнцем. Слева за прозрачным стеклом просматривался огромный холл с фонтанами, Duty Free и множеством кафе. В них заранее уставшие пассажиры поглощали кошерную еду, приготовленную по строгим иудейским законам, и ждали свои самолеты. Ждали свой взлет в высокое бесцветное небо без особых точек опоры, разметок и дорожных знаков. Среди них находились мученики, не желающие куда-либо лететь и делающие это через силу.

Пальцы, освобожденные из плена тесной обуви, свободно дышали и игриво шевелились, пока не уперлись в кабинку паспортного контроля. Молодой пограничник посмотрел на нее с необъяснимой злостью, будто женщина уже нарушила все заповеди и законы, а потом нехотя поставил штамп. Лада постоянно оглядывалась на Димку. Муж выглядел уставшим и измученным. С красными белками вокруг карих зрачков, словно годами не отползал от компьютера. Но она-то знала, что он просто разучился спать. Которую ночь ходит по квартире, подолгу смотрит на часы и пьет кофе ведрами. Впервые в жизни ее мужчина выглядел старше своего возраста и ниже ростом.

— Дим, а может, у нас все получится?

— Ладушка, я буду очень стараться...

Дорога от аэропорта Бен-Гурион к Тель-Авиву была гладкой, как только что отутюженное постельное белье. С двух сторон тянулись заросли бугенвиллеи, мандариновые сады и акации с цветами, напоминающими лесные колокольчики. Пространство, благодаря зеркальному небу и видимому, цвета сыворотки, воздуху, казалось безразмерным и эластичным. Через воздушные коридоры этой страны проходили маршруты более пятисот миллионов перелетных птиц. Лада взглянула в самую высь и неожиданно вспомнила давний сон. Пару лет назад под самое утро явилось видение о желтом песчаном городе, поднявшемся во весь рост песке, пересоленном чьей-то щедрой рукой, море и некоем чуде. Тысячи божьих коровок по имени Моисея облепили все тело и щекотали то грудь, то плечи, то живот. Она тогда проснулась со слезами на глазах и долго повторяла единственно верное слово: «Аминь».

В такси звучала песня Нино Катамадзе. Поэтический псалом женщины, отпустившей своего мужчину в иной мир и теперь имеющей возможность выхода на связь только при погружении в глубокий транс или искреннюю молитву. От неизбежности и обреченности происходящего у Лады на треть секунды остановилось сердце. Она с болью посмотрела на любимого, на его поседевшие виски, тонкие узорные морщинки вокруг рта и, сжав теплую ладонь, прошептала:

— Я люблю тебя.

У него сузились зрачки и запеклись в ранки с изначально засохшими краями. Лебедев нежно взглянул на

жену и пощекотал своим дыханием ее шею. Она оделась в его нежность, как в бирюзовое шифоновое платье, и запахло вечным Средиземным морем...

Они приехали в один из первых городов Палестины под названием Ришон-ле-Цион. В город, основанный на голых песках выходцами из России. На землю, выкупленную бароном Ротшильдом у турок и превратившуюся в огромный оазис. В этом месте Бог упорно защищал бедняков от грехов дорогостоящих, давал всем женщинам дюжину детей и берег верующих от наглой смерти. Местный народ отличался чувством юмора и вечной молодостью. Средний возраст жителей составлял всего тридцать три года.

Город начался с рослых пальм «с ногами от ушей» и заборов, заплетенных плюмерией и пассифлорой. Вдоль обочины цвел красный и желтый люпин. По земле тянулись трубочки с вторичной водой для полива цветов. Завораживали аккуратные дороги с идеальной разметкой и девушки в военной форме с автоматами Galil, в прикладах которых спрятан ключ для откупоривания пивных бутылок. Белые высотки, белые автомобили, белые искусно согнутые фонари.

Они остановились на улице Hannah U-Michael Levin в лимонном доме с волнистыми балконами. У въезда в подземный паркинг густо разрослась желтая текома с цветами, напоминающими пышные рюши на нижних юбках. Лада потрогала ее тычинки, и по телу разлилось предчувствие секса, словно глотнула некий эротический эликсир.

В квартире на девятом этаже проживал их общий друг, только вчера уехавший по делам на север Израиля. Туда, где до сих пор росли масленичные деревья в возрасте двух тысяч лет. В комнатах царил минимализм: без ажурных свечей, декоративных рамок и японских кукол. На полу блестела молочная, охлаждающая стопы плитка, посреди холла маячил черный пятиугольный стол с непроглаженной персиковой скатертью и стулья с очень ровными глянцевыми спинками. В них, как в зеркалах, отражались кожаный диван с тугими подушками, телевизор на потолочном кронштейне и журнальный столик на тонкой непрактичной ноге.

В спальне на самом видном месте красовалась огромная стеклянная ваза в виде аптекарской колбы, полная роз морковного цвета двух сортов: «Муви Стар» и «Пасадена». Рядом с вазой лежала записка: «Лебедев, ревнуй! Мне все еще очень нравится твоя жена». Лебедев повертел записку в руках, ухмыльнулся, а потом скомкал и выбросил в мусорное ведро.

Пока Дима возил по гардеробу чемодан, Лада прошла по кухне, выдвигая все ящики подряд. На верхней полке — квадратные белые тарелки, чуть ниже справа — вилки и ножи с малахитовыми хвостиками и много упаковок чая Greenfield с медом и облепихой. Громко урчал широкий холодильник, словно маялся пустым животом. Он не просто охлаждал. Он намертво примораживал все, что в него попадало. В этом шкафу в любое время года можно было обнаружить виски в толстой грубоватой бутылке и нескончаемые запасы кубичного льда.

В углу скучала допотопная соковыжималка с длинной ручкой, как у механической мясорубки, и нежно пахло из начатой бутылки Faigu шелком и орхидеей. Столешницу украшал маленький топиарий с чесночными головками. Это был подарок Лады тысячу лет назад. Еще с тех времен, когда они учились в одном институте, были неприлично молоды и не ведали ни одного оттенка беды.

Женщина внимательно рассматривала белые ровные стены и видела не просто качественную штукатурку, а историю жизни обитающего здесь человека. Зачиталась ею, не отрывая взгляд от мелких деталей в виде стопки старых книг, коллекции пластинок и одинокой фотографии в углу. Поймала себя на мысли, что очень приятно находиться в этом доме. Чувствовать его крепкую спину. Даже на секунду поверила, что это место их исцелит.

Вдруг стало волнительно волосам, и она ощутила Димкину руку у себя на макушке. Он стоял за спиной и перебирал в руках объемные локоны. Потом, будто нехотя, погладил шею, место за ушком, спустился к груди, не касаясь соска, и опять вернулся к волосам. Сосок лез из орбит, чтобы самостоятельно достать его пальцы. Лада закрыла глаза и застонала. Затем отвела ладонь назад и потрогала его бедро. Димка прижался теснее и протяжно вздохнул.

Они не помнили, как оказались в плотно зашторенной спальне, пребывая в состоянии измененного сознания. В легком забытии. Лада восстанавливала в памяти его крепкие ноги и очень подкачанную попку. На ощупь искала мошонку и трогала ее языком. Та напрягалась и источала запах пустыни. Пустыни, в которой нет песка. Ей очень хотелось вернуть своего мужа целиком, поэтому

легла сверху, чтобы проникнуть в него всем телом. Прочиститься своим загустевшим соком. Почти что желе.

Димка уложил свои уставшие пальцы на ее яблочную грудь, накрыв сразу всю до самых подмышек. Сосок упирался в середину ладони, делая акцент на линии жизни или Верхнем холме Марса. Он задыхался и еле слышно стонал. Вспоминал все чувствительные места жены, прицельно на них набрасывался и искусно возбуждал. Даже не подозревал, что так сильно соскучился. До потери пульса. До потери контроля. В этот раз непривычная обстановка многократно усиливала обоюдную чувствительность. Им было действительно хорошо в городе, в котором рано встает и долго не ложится спать неутомимое солнце. В городе, где поют веселые песни птицы буль-буль, а потом готовят себе сладкий напиток из куска переспевшей папайи, а еще цветет красное орхидейное дерево с растопыренными во все стороны цветами и зреет самый сладкий виноград.

Он прикасался к ее телу так, словно гладил тончайший виссон или скользил по поверхности редкого клеверного меда. Пробуждал очень бережно, не спеша, как будто заводил заржавевший механизм давно заброшенной куклы, пылящейся на старом шкафу. Одной рукой искал в ее волосах созвездия, их потерянные маршруты, встречи, зарождение любви, а другой трогал лоно. Так, как трогают хрусталь. А затем стал покрывать его быстрыми, очень точными поцелуями.

Лада дрожала от сильнейшего возбуждения и почему-то пыталась это скрыть. Старалась не признаваться ему в своем диком желании и уже неконтролируемой страсти. Он смотрел на ее губы, пробуя прочесть ответ, и она

прошептала: «Да». Димка переспросил еще раз, приблизившись вплотную, и тогда Лада сделала последний шаг навстречу. Это был безумный поцелуй. Выстраданный временем. Выжданный месяцами отчаяния. В нем ощущалось все пережитое от первого искушения и до сегодняшнего дня.

Она еще не опомнилась от терпкости его губ, как Димка стал медленно входить, натягивая ее тело, как струну. Дразнил. Проникал совсем чуть-чуть, пережидая на входе, чтобы потом, не спеша, окунуться во весь рост. Он двигался словно в первый раз, и шептал:

— Я нежно. Еще чуть-чуть... Вот так... Да... Тебе хорошо?

Лада подавалась вперед, пытаясь его вобрать в себя, как в зыбучий песок. Он не торопился. Делал длинные паузы, и тогда на лбу выступал пот, напоминающий самые прозрачные бриллианты цвета ривер. Он танцевал в ней медленный фокстрот и смотрел прямо в глаза. Пытался проникнуть не в тело, а в душу, и хотелось кричать оттого, сколько в ней было красоты.

Лада почти увидела фейерверк: смешались звезды, пестрые восточные краски и распластанная гора Авиаталь. Ей стало не хватать воздуха. Он резко наклонился. Накрыл ее губы своими. Стал давать кислород. Много. Целых пять пинт, одновременно раскрывая ее лепестки, а она трогала все его выпуклости сразу двумя руками.

Потолок спальни зашатался безумным мятником. Страсть стала взрывоопасной, но опять управляемой. Горячая лава готова была вылиться на внутреннюю сторону бедра из обоих тел, но вылилась только из одного. В спальне роились искры от случайно расколовшегося

солнечного луча. Тонкое запутанное одеяло валялось на полу. Он сидел перед ней на коленях и входил под таким углом, что остальное перестало иметь хоть какое-то значение...

Спустя время все стихло. Димка потер переносицу и еле слышно спросил:

— Ты не смогла? Не получилось?

Лада убрала мокрые волосы с лица. На коже остались влажные параллельные полоски.

— Нет... В последний момент вспомнила старое.

Разорванные лучи сбросили температуру, как сбрасывает высоту самолет, и остывает к вечеру летняя, вскипяченная дневным солнцем, вода. Одеяло вернулось на место. Потолок — на привычные балки. Они уснули. Димка во сне закричал и вздрогнул с такой силой, что левая нога стукнулась об пол. Лада шепнула ему: «Тсс...» Он тут же успокоился и начал дышать равномерно.

У соседей этажом выше тоже происходила особая ночь. Она называлась «Шалом захар». За столом ужинали друзья. Они ели бобы, фрукты и варенье и вспоминали предание о том, что с завтрашнего дня ребенок начнет изучать Тору. Тору, которую всегда знал, но забыл перед своим рождением. Малыш лежал в люльке и рефлекторно улыбался своему ангелу.

Они еще крепко спали, когда стало стремительно темно, и абсолютно беззвездное небо накрыло город сервировочным колпаком. Тучи поднялись так высоко, что им удалось надежно спрятать звезды, будто с помощью веерообразной ширмы.

Димка лежал на спине, раскинув руки и ноги. Эпизодически храпел. Лада — на левом боку, кутаясь в его глубокую подмышку, из которой росли жесткие рыжеватые волосы, пахнущие сыром Бри с еле уловимым аммиачным оттенком. Внимательно слушала его сон, пытаясь укрыть плечи. Он смахивал простыню по пояс, спросонок объясняя, что это лишнее. Муж никогда не мерз.

Они еще находились в постели, когда розовые фламинго бежали по воде, набирая разбег для взлета, и когда уставший бедуин, одетый в галабею, разжигал костер из сухих прутьев ретамы, чтобы заварить себе чай с пряной марвой. Может, для того, чтобы подлечить свое разбитое сердце?

Из забытья ее вывел звук входящего смс на Димкин телефон. Его уже не было рядом. Давно. Она специально потрогала простыни. Они остыли и казались абсолютно ледяными. Все ее измученные нервные клетки пришли в боевую готовность и поползли уродливые, как щупальца, дендриты и аксоны к дверям ванной. Для улучшения слышимости — пожали друг другу руки, создавая синапс. И, конечно же, все уловили.

Димка сидел на пушистом коврикe и чуть раздраженно говорил:

— Ника, я же просил, не пиши мне! Я сам выйду с тобой на связь.

В трубке что-то бормотали, не делая пауз и не составляя запятых. Он слушал, как провинившийся, а потом кардинально изменил интонации на более теплые:

— И я очень по тебе скучаю, солнышко. Потерпи еще немного.

Опять сопение... Вздохи... Плач...

— И я тебя очень люблю. Держись, малышка...

Лада подтянула к себе колени и застонала. Из нее тут же потекла еще теплая белая жидкость, и, капнув на бордовую простыню, превратилась в неопрятное сизое пятно.

Они встретились у двери ванной и срезались глазами. В глазах Лады плескалась холодная ненависть. В Димкиных — загнанность в угол, растерянность, страх. Она молча прошла в свободную спальню и громко закрыла за собой дверь. Он сел в салоне на диван и включил телевизор. Лада заломила руки и сцепила зубы:

— Зачем мы сюда ехали и везли свой грязный багаж непонимания? Зачем притащили свои беды, свой жизненный уклад в такую святую страну? Мы же ее этим оскверняем.

— Я хотел все исправить...

— Тогда перестань быть тюфяком...

— А ты перестань быть такой сильной...

*Будь, пожалуйста,
ослабее.*

*Будь,
пожалуйста.*

*И тогда подарю тебе я
чудо
запросто.*

*И тогда я вымахну —
вырасту,
стану особенным.*

*Из горящего дома вынесу
тебя
сонную...*

Лада замотала головой, выветривая стих Роберта Рождественского. Последние пару лет Димка постоянно его цитировал. Чаще всего бездарно и невпопад. Затем легла на пол, по-бабьи взвыла и прикрыла голову руками.

Рано утром в пустыне Сахара отдыхал поджарый однопорбый верблюд с мощными зубами размером в человеческие пальцы. Рот плотно закрыт. Веки с двойными ресницами опущены. Он выглядел совсем усохшим, хотя мог еще целую неделю продержаться на ногах за счет скудного жира в горбу. А еще знал, что с легкостью все наворачстает, выпив за двадцать минут двенадцать ведер воды.

Животное стояло с сомкнутым ртом, не чувствительным к боли, и никакими помехами для вкуса не являлись колючки опунции. Каменные мозоли на груди, запястьях и локтях давали возможность отдыхать на обжигающем песке в любое время. Подготовленные ноздри, практически закрытые, пропускали только молекулы воздуха и больше ничего: ни пыли, ни гранул сероземов, ни пыльцы. Верблюд спокойно смотрел на маленькое облако по центру горизонта, на глазах превращающееся в темно-багровую тучу.

Ровно в восемь утра в Ришон-ле-Цион в резиновых сапогах и куфии из стопроцентной шерсти вошел хамсин с безразмерными мешками линялого песка. В этот раз явился не из Аравийской и Синайской пустынь, а издалека, возможно, даже из Сахары. Песок безостановочно сыпался, свистел, завывал, залетал в открытые окна

и ложился ровным слоем на паркет. Дети принимались рисовать на нем палочки, геральдические щиты и шестиугольную звезду Давида. Разравнивали ладошками бледные оттенки цвета верблюжьей шерсти и дынной груши с невнятным запахом иерихонской розы, открывающейся то здесь, то там. На небе еще оставались зацепки после уходящих звезд. Эти места старательно доцарапывал песок, словно катался по нему на остро заточенных коньках.

Все машины двигались с включенными фарами. Во внутренних аэропортах Тель-Авива и Хайфы перестали взлетать и садиться самолеты. Работал только международный — Бен-Гурион, гостеприимно принявший их вчера. Президенту США Бараку Обаме пришлось сократить свой первый визит в Израиль. Все из-за песчаной бури.

Люди, оказавшиеся на улице, дышали через платки. Пыль поднималась до середины самого высокого Тель-Авивского здания — круглой 49-этажной башни, пытаясь ее свалить. Не проходило ощущение тревоги, словно песок распространял некую нервозность по типу опасного вируса. Ладе неожиданно стали понятны слухи о том, что если совершить убийство в Хамсин — срок дают поменьше. Она с самого утра поймала себя на желании кого-нибудь придушить.

Налетевший ветер оказался такой силы, что «одной левой» поднял на балконе стол и задумал перекинуть через перила с девятого этажа. Стулья перемещались самостоятельно, как марионетки, и они выскочили, чтобы их сложить. Легкие мгновенно наполнились сахарской пылью.

Лебедев вернулся к телевизору, и экран засветился жутковатым фильмом о человеке, заживо погребенном. Он маялся в своем гробу. Лада маялась в своем. Она невыносимо мерзла, хотя сидела в высоких гольфах до бедра, домашнем коротком платье в метельчатые фуксии и в Димкином реглане. Реглан доставал до колен и грел как пальто.

— Дим, переключи.

— Сейчас, только послушаю, что ему говорят по телефону.

Прошло полфильма, а они продолжали его смотреть, как заколдованные. Словно кто-то посадил их на эту жуткую историю. Связал по рукам и ногам, не давая возможности хоть что-то изменить. У человека закончился газ в зажигалке и почти сел телефон. Он медленно умирал мучительной смертью. У их любви тоже не осталось огня, и смерть ее казалась бесконечной.

У соседей сверху праздновали Брит-Милу, и несколько минут невыносимо кричал ребенок. Шел восьмой день от его рождения, и десять мужчин склонились над еще худеньким и несмышленным малышом. Сандак, один из самых почетных гостей, держал ножки, а моэль делал надрез в крайней плоти остро заточенным с двух сторон лезвием. Потом специальной трубкой отсосал кровь и щедро обсыпал весь орган толстым слоем мелко истертого в порошок перегнившего дерева — пульвера. Все торжественно прокричали: «Мазаль тов» и дали ему имя Песах в честь обрезания в Песах. Ребенок медленно засыпал, убаюканный соской, смоченной в вине.

Лада все это время молилась в унисон с его матерью. Читала молитву, записанную на поперечно-полосатой

мышечной ткани сердца каждой женщины, и раскачивалась по тому же принципу, что и она.

Хамсин ушел вечером. Так же неожиданно, как и пришел. Оставил после себя неопрятный город, хрустящий песок на листьях финиковых пальм и чувство необъяснимой тревоги. Песок по плотности напоминал горчичные сухари, и хотелось его чем-то запить. Хотя бы глотком вина. И не лишь бы каким, а марочным, дорогим и терпким. Может быть, оно сможет притупить память о пережитом дне и приспит сознание. Укачает, как в переполненном и пахнущем рвотой транспорте. Лада с Димкой мгновенно оделись и вышли на улицу.

На углу праздновали открытие винного магазинчика. Хозяин в черной запыленной одежде с трудом поднимал уставшие глаза и угощал коралловым вином. На бочке пошатывались пластиковые фужеры с Malbec урожая 2010 года. Его темно-бордовый цвет притягивал взгляды, а после глотка на кончике языка еще долго свисал зеленый эвкалипт, песчинки табака и вишня. Послевкусие сохранялось убаюкивающе-теплым.

Внутри магазина толпились люди. Стены, обитые до самого потолка красным сукном, создавали дополнительный объем и глубину. Чтобы достать виски с верхней полки, использовали стремянку, и продавец только и делал, что бегал по ней снизу-вверх, словно белка.

Захаживали покупатели — случайно и по делу. Некоторые пили вино залпом, как воду. Другие медленно, будто нектар. Трогали сигары, ежась от не совсем приличного запаха. Шутили с хозяином и желали ему

удачи. Лада с Димкой влили в себя по полному стакану, а потом взяли одну из самых дорогих бутылок домой. Они купили местное Prig 2007 года. Сухое, со вкусом продымленной земли и шоколада.

Ушли, как чужие люди. Опыяненные и опустошенные в одно и то же время. И не у кого было спросить, где можно попробовать капучино из финиковых косточек, как называется то масштабное дерево, похожее на библейскую смоковницу, и кому поставлен памятник в ухоженном весеннем сквере.

С того дня Лада превратилась в кошку, гуляющую сама по себе. Она обходила Лебедева, словно тот был неодушевленным предметом, и бесцельно шаталась по улицам, зажав в кулаке адрес дома. Из-за незнания языка ее проводником стала улыбка.

Город уходил на восток и считался четвертым по величине в Израиле. Некоторые дома в старом районе напоминали советские пятиэтажные «хрущевки» с крохотными лоджиями и окнами в белых рамах. На балконах так же висели детские ползунки и наматрасники, и никуда не торопились зеленые городские автобусы. В них не наблюдалось стоящих пассажиров, да и сидеть особо было некому. По краю улиц стояли баки для сбора макулатуры и решетчатые клетки для пластиковых отходов. Ей стало стыдно, что она до сих пор не сортирует мусор.

Лада с фанатичным вниманием обхаживала Ришон, в котором впервые был спет гимн, а потом положен на музыку. Сидела в парке на лавочке, любовалась розовой гаурой Линдхеймера и повторяла текст гимна про себя:

*«Пока внутри сердца все еще
 Бьется душа еврея
 И в края Востока вперед
 На Сион устремлен взгляд,
 Еще не погибла наша надежда.
 Надежда, которой две тысячи лет.
 Быть свободным народом на своей земле –
 Земле Сиона и Иерусалима».*

Ей казалось, что чем сосредоточеннее станет учить его наизусть, тем меньше места останется в голове для тоскливых мыслей. А еще важно не забыть, что израильтяне — единственный народ, возродивший свой священный язык и хранящий в кубышке много дельных советов. К примеру: когда нечего делать — следует браться за великие дела.

С первого, не слишком внимательного взгляда, город можно было спутать с Холоном или Бат-Ямом. Но все-таки он был другим. Между улицами Герцля и Жаботински с целым этажом детских игрушек его делил на части каньон. Всюду цвела эритрина на полностью голых деревьях, так что издали казалось, что цветы из гофрированной бумаги искусно привязаны к веткам. А еще здесь мигрировало другое солнце. Оно постоянно подсвечивало постройки и придавало им оттенок позолоты.

Всюду росли пальмы — мощные, как украинские дубы. Мелькали разноцветные лица арабов, эфиопов, негров, грузин, русских, турок и армян. Активно работал винодельческий завод «Кармель Мизрахи», построенный еще в 1887 году и до сих пор разливающий три

четверти всего израильского вина из местного винограда, выросшего на холмах Иерусалима, Галилеи и Голанских высот. Поэтому Лада первым делом отправилась на экскурсию в винные погреба. Во время поездки туристов кормили ужином под живой оркестр, а потом артисты танцевали на столах. На стене зала висел огромный плакат с Сарой Бернар, едущей на повозке с бочками вина, — самой первой рекламой завода. Из динамиков лилась музыка с характерным восточным сольфеджио, и Ладе казалось, что она повсюду слышит думбек. Не сегодняшний, инкрустированный перламутром, а еще тот, обтянутый рыбьей шкурой. В магазинах продавались странные экзотические фрукты: сабрес, долорит и клементин, и она не понимала, как с ними расправляться и каким ножом делать надрез. Рассматривала обложки местных журналов и обнаружила две библиотеки с русскими книгами. Там предлагали Дину Рубину, Конан Дойля, и Дюма. Переживала, что не попала в сад специй или другими словами — сад слепых, где росли белые, как марля, ирисы, шалфей с характерным налетом, напоминающий молочницу на небе грудного ребенка, и гигантские алоэ, полные пенистого скрипучего сока. В саду по запаху определялся розмарин, тмин и корица, и предоставлялась возможность ориентироваться только по ароматам, отключив зрение и слух.

В этом городе ранней весной Лада стала понимать, как ей жить дальше.

На храмовой площади, где раньше располагался марокканский квартал, солнце лилось, как вермут, щедрыми вертикальными линиями. На руках оставалась его

теплая маслянистость, похожая по плотности на воду Мертвого моря. Пахло утром, молитвой и иссопом, торчащим из Стены Плача. Этот высохший майоран рос пучками и напоминал кусты ноябрьской смородины.

Неба без единого пятнышка было не достать. Сновали белые, ничем не разукрашенные голуби: ни серым тальком, ни хной. Тихо переговаривались люди: на идиш, армянском, амхарском. Где-то переругивались арабы. Там же молились венгр и француз.

Лада стояла у правой женской части стены. Ей хотелось без устали читать «Отче наш» и что-то из Талмуда. Камни разного размера, с открытыми крупными порами, держались друг на друге абсолютно всухую, без раствора глины или цемента, и казалось, что всюду присутствуют уши Творца. Она слышала, как о чем-то просит на иврите соседка, протягивая слова, и улавливала, как раскачивается хасид на своей половине. В черном, почти что школьном пиджаке и брюках, решительно заправленных в носки.

Женщины стояли тесно, задевая друг друга плечами. Большинство с бритыми головами, стыдливо спрятанными под полотенцами. Ладе на минуту показалось, что они завидуют ее шелковым прядям:

— Не завидуйте.

— Что ты? Нам нельзя. Мы выполняем 613 правил Пятикнижия.

— У меня большая боль.

— У меня тоже.

— От меня уходит муж.

— А мой приходит на пять минут по вечерам.

— Не знаю, что хуже.

Ирина Говоруха

- Один Всевышний знает.
- Он со мной не спит.
- Двенадцать дней каждого месяца?
- Вообще.
- Он моряк?
- Нет...
- Вы живете по предписанию Рабби Элиэзера?
- Это как?

Женщина втянула голову в плечи и боязливо прошептала:

— Мужчина любой профессии спит со своей женой каждый день. Рабочий — два раза в неделю. Погонщик ослов — один раз в неделю. Погонщик верблюдов — раз в тридцать дней. А моряк — один раз в шесть месяцев.

- Нет. Он просто любит другую.
- Тогда молись...

Они говорили по-женски, одними гулко стучащими сердцами, освобождая от диктата мозга заложенную веками интуицию. Абсолютно беззвучно. Потом каждая уходила своей дорогой, продвигаясь спиной к выходу. Не суетясь, не рассматривая, не оценивая собеседницу. Хотя нет — они возвращались по одному и тому же женскому пути.

Город уже окончательно проснулся и стал оранжевым. Утро стремительно набирало высоту, норовя преждевременно скатиться в полдень. Мартовский воздух считался еще свежим и не горчи́л от жары и зыбучих песков. Везде мелькали головы, покрытые кипами и гамбургамы без заломов из твердого фетра. На некоторых красовались штраймлы, похожие на гнезда аистов. На многих — выверенная кошерная одежда,

с несочетающимися льном и шерстью. Так же, как и молоко с мясом. С мясом, приготовленным по всем правилам Галахи, когда ножи точатся дольше, чем рассекаются трахея и пищевод.

Женщины торопились в традиционно черном, обвешанные детьми, как новогодние елки игрушками. В плотных колготах терялась стройность ноги, и не угадывалась форма стопы в закрытых кожаных туфлях.

В храме Гроба Господня распахнутые ворота притягивали магнитом взгляд. Ежедневно их открывал потомок мусульманской семьи Нусейбе, а потом относил ключи на хранение семье Юдех. Поочередно служились литургии каждой из шести христианских конфессий, и точно так же представители ссорились по поводу счетов за воду и свет. Неожиданно кто-то подвел черту, будто наложил горизонт на ее жизнь, и Лада поняла, что нужно из целой любви сделать нечто странное. Разделить ее пополам. В таком случае каждый уйдет со своей частью. Иначе ее не спасти.

- Господи, что с нами происходит?
- Пути Господни неисповедимы.
- Мы сможем возродить свои чувства?
- Пути Господни неисповедимы.
- Мне очень нужно это знать.
- Пути Господни неисповедимы...

И тогда она вынесла свой вердикт. Свою истину. Случится то, во что ты очень веришь. А она верила в их предначертание. В то, что они созданы друг для друга. Но пришло время любовь отпустить во имя ее спасения. Сойти с дистанции земных чувств и приблизиться к состоянию любви Божественной. Лада стояла

в храме трех религий и разговаривала с Богом. Он выглядел, как человек. И пах он тоже, как человек — завтраком, состоящим из иракской питы и хумуса, рецепт которого шлифовался тысячелетиями.

Католики праздновали Чистый четверг, и началась предпраздничная служба. Мужчины в белом пели молитву. Они пели ее на ходу и шли так долго, что перестали иметь видимое начало и конец. Лада наблюдала с балкона, и каменные перила упирались ей в грудь. Неожиданно из ниоткуда прозвучал вопрос:

- Чего ты хочешь больше всего на свете?
- Ребенка.

Ее ответ улетел напрямик под купол ротонды над кувуклией. Он прозвучал невольно, как-то сам собой. Выпрыгнул из ее подсознания, и женщина поняла, что наконец-то полностью доверилась Богу и перестала себе врать. Белый ход сменился черным. Затем монахи рассеялись, и ключник влез на деревянную лестницу. Стрелки приблизились к десяти утра.

Абрикосовое солнце старательно вылизывало шустрым языком тень. На небольшом выступе сидела женщина с младенцем. Ему исполнилось от силы недели две, и тот напоминал слепого котенка, одетого в человеческие одежды. Женщина крутила его, как куклу, рассматривая до мелочей, еще до конца не осознавая, что он уже не внутри, а снаружи. Все это происходило посреди молящихся, плачущих и лобызающих святые камни.

Лада сделала несколько глотков воды и отправилась по Пути Скорби улицей Виа Долороза, делая все нужные остановки. Незаметно закончился крохотный армянский квартал с целым полком талантливых

гончаров и художников. Последние без устали покрывали кувшины лилиями, виноградными листьями и цветами лотоса. На рынке в мусульманской части толпились люди, рассматривая товар. Они громко торговались, сбрасывая цену в несколько раз. Хотелось выпить гранатовый фреш за пятнадцать шекелей и окунуть руку в корзину с бирюзой, но она не давала себе поблажек и не делала пауз. Покорно шла и набиралась сил в пути перед принятием своего самого смелого решения.

Все остановки были отмечены часовнями и церквями. На четвертой ей вдруг стало очень больно. Именно в том месте, где Господь встречался с Матерью Марией. Женщину накрыло скорбью всех терявших своих детей, и она механически погладила пустой живот, а потом резко одернула руку. На секунду показалась, что в утробу проникла чья-то душа.

Пятым пристанищем считался камень, сохранивший след руки Иисуса, когда тот освободился от креста. К нему выстроилась длинная очередь. Люди переминались с ноги на ногу, не выпуская из уст свои просьбы, и она покорно пристроилась в хвост, в надежде скинуть на минуту свой, пусть и не такой масштабный, но все же крест.

Шестая точка называлась местом Вероники, вытершей кровь с его лица шелковым платком. На платке отпечатался лик. Неожиданно заметила одинокую фигуру женщины, облаченную в покрывало, только подчеркивающее стройность ее фигуры. Волосы, перевязанные шнурком, по-местному — хевел, струились по плечу. На загорелых стопах сидели, как влитые, кожаные сандалии с ремешками, и Лада вспомнила, что подобные

босоножки видела в ALDO и даже их примеряла. Девушки встретились глазами и узнали друг друга:

- Ты здесь?
- Я отсюда никогда не уйду.
- Но тебя же могут увидеть.
- Как видишь — нет.
- Ты очень красивая.
- Ты тоже.
- Что мне делать?

У Лады опять сорвался вопрос, парализующий ее рассудок и вытесняющий любые другие темы.

— Просто открой дверь, когда он захочет уйти, и вытри пот с его лба.

— А потом?

— А потом будь готова эту же дверь распахнуть. В момент, когда вернется...

Половину крестного пути занимал рынок. Ей показались неуместными подвешенные футбольные мячи, кальсоны и бутсы.

Лебедев стоял у Церкви Святого Петра в южной части Тель-Авива и думал о своем. Суббота подходила к концу. Часы показывали 17:00, время для посещений. Он долго искал улицу Оффер Коэн, имеющую цифровое обозначение: 3377, а потом нашел по колокольне — самой высокой точке. Это место считалось первым пристанищем паломников на святой земле, высадившихся в порту Яффо.

Мужчина зашел внутрь и минуту привыкал к полумраку. Поразила абсолютная тишина. Ни шаркающих шагов, ни чтения нараспев, ни сложнейшего кондакар-

ного пения. На двух алтарных столбах — изображения Петра и Павла. На остальных — еще десять апостолов. Сцены из жизни Петра, по преданию, когда-то расписали мастера из Почаева. Дмитрий сел на лавочку и начал молчаливый диалог:

- Боже, я оступился.
- Я знаю.
- Я возжелал другую.
- Да...
- Я совсем запутался.
- Покайся.
- Прости меня. Но я больше не смогу хранить верность.
- ...

В последний день у Лады не было экскурсий. Она понятия не имела, чем занимается целыми днями Димка, и не собиралась в это вникать. Рано утром уходила в город, либо сидела у Средиземного моря и смотрела в одну точку. Пыталась к нему подступиться, но волна не подпускала, отбрасывая на шезлонги, стоящие в три ряда. Прогоняла своим свежим дыханием, словно до этого жевала белые имбирные листья, подающиеся к суши. Море всегда так себя вело в конце марта.

На пляже выгуливали собак, и они радовались, глотая сбитую пену, как шарики сливочного мороженого. Арабки сбивались в темные стаи и о чем-то оживленно беседовали, поглядывая на детей.

Напоследок она решила съездить в Тель-Авив и поглазеть на знаменитые Башни Азриэли — три небоскреба в форме круга, квадрата и равностороннего

треугольника. Со смотровой площадки самой высокой круглой башни открывался потрясающий вид на весь город. Внутри зданий разместились престижные офисы, рестораны и торговый центр. В одном из магазинов девушка купила розовые замшевые туфли и не снимала их потом в Украине до самого октября.

Гуляя улочками города, Лада случайно забрела в русскую парикмахерскую. Обстановка в зале совершенно не соответствовала статусу заведения. Внутри царили пыль и запустение. Открытая настежь дверь давала возможность свободно залетать отцветшим вялым бугенвиллеям, земляной крошке и собачьей шерсти. Ей даже показалось, что под креслом валялся сухой синий мордовник с дважды надрезанными листьями, каким-то чудом занесенный из пустыни Арава.

В углу стояла тумбочка, по-видимому, для продуктов, с дверцами, испачканными чем-то бурым и, по всей вероятности, липким. Расчески валялись с ворохом сальных, седых и черных волос. Два разорванных до поролона кресла. Хозяйственные сумки на полу и советский кассетный магнитофон на полке. На стойке администратора — газеты и журналы за прошлые годы. Или, может быть, они были свежими, просто совершенно выцветшими под мощным солнцем. На полу возле маникюрного столика — ватные шарики с пятнами кораллового лака.

В парикмахерскую постоянно заглядывали люди, чтобы просто поболтать. Интересовались здоровьем хозяйки и мировыми новостями.

- Вы знаете, Березовский умер?
- Да что вы говорите? Когда?

Лада ждала своей очереди и все хотела попросить ведро с тряпкой, чтобы отмыть помещение дочиста, и когда в очередной раз вопросительно подняла глаза, маникюрша, она же владелица салона, тепло ей улыбнулась и произнесла:

— Лучше начинать с себя. Правильно, дорогая?

Дама со старательно нарисованными бровями и косо состриженной челкой никуда не спешила. Она медленно подпиливала ногти и болтала безостановочно. Заваривала себе кофе и дважды выходила покурить. Периодически натягивала широкую майку на свой огромный, полный внутренностей, живот и подбрасывала новые реплики. Затем отпустила клиентку, настелила ворох белых полотенец и бережно взяла Ладины руки. Потрогала каждый ноготь и опустила их в розовую ванночку с теплой водой. Девушка растерялась. В киевском салоне всегда добавляли соль, жидкое мыло и несколько пионовых лепестков:

— Тебе плохо?

Ее вопрос прозвучал так искренне, что Лада расплакалась. Мастер переждала первые слезы, а потом сказала:

— Терпи. На то ты и женщина.

Она ловко обрезала кутикулу и привела в пример местную поговорку о том, что каждый человек должен жить хотя бы из любопытства. Затем сменила воду и уточнила:

— Муж?

Та кивнула.

— Начинай с себя. Ищи ответы в себе. Значит, он не мог по-другому.

Лада открыла рот, чтобы возразить, но та мягко ее остановила.

— Многое в этом мире от женщины...

В салоне тусовались двое странных мужчин. Оба с удлинненными молодецкими стрижками, одетые по моде 1970-х. Они беседовали с хозяйкой, угощали ее печеньем из тхины, обсуждали лечение подагры и тянули головы к телевизору, висящему под самым потолком. На экране с логотипом российского канала «Дождь» Ксения Собчак брала интервью у Иосифа Кобзона. Они стали обсуждать Собчак, акцентируя внимание всех присутствующих на том, что ей вообще не требуется собеседник. Сама спросит, и сама ответит.

Из дальнего угла комнаты за происходящим внимательно наблюдала беловолосая женщина и улыбалась всем лицом. Ее называли тетей Машей и старались вовлечь в общий разговор. На ее ногтях проступал цветочный рисунок, а в ушах — голубые сапфиры из чистого камня, словно вода в японском озер Машу, сохраняющем прозрачность даже на глубине сорока метров. Она поглядывала на заплаканную Ладу и подбадривающе кивала, словно хотела сказать: «Ничего-ничего. Утрясется. Пройдет. Мы все это рано или поздно переживали».

Улица дышала весной. В тесной будке торговали лотерейными билетами. Лавки ломились от разнообразия экзотических фруктов, и Ладе очень хотелось попробовать аргаман — местный сорт винограда, а еще турецкий горох нут. Его перетирают с кунжутной пастой, лимонным соком, оливковым маслом, и получается чисто мужская еда — хумус. Только девушка не знала, как о нем спросить. Поэтому просто читала про себя Окуджаву, как некий напев, если не была занята молитвой или разговорами с Богом.

*Тель-авивские харчевни,
Забегаловки уют,
Где и днем, и в час вечерний
Хумус с перцем подают;
Где горячие лепешки
Обжигают языки,
Где от ложки до бомбежки
Расстояния близки...*

...Самолет приземлился в ночь, тарахтя колесами по бетонке. Небо в крупный белый горох напоминало нарядное платье Джулии Робертс в фильме «Красотка». Освещение на взлетной полосе сделали настолько ярким, что можно было разглядеть затыжки на снегу, оставленные неумелым лыжником.

Как только шасси коснулось земли и погасли табло «пристегнуть ремни», на телефон Димки стали приходиться смс. Он нервничал и суетливо печатал ответы, сутулясь, словно Квазимодо. Ладу это больше не трогало. Она лишь немного вздрагивала от звуков входящих сообщений и старалась не обращать внимания на его взвинченные пальцы и довольные губы, ползущие до ушей. Когда ответил на последнее и спрятал телефон в задний карман, тихо, но твердо, сказала:

— Вещи заберешь завтра. Я все упакую в чемоданы, а сейчас езжай к ней.

Димка побледнел и кивнул. Потер темное пятно на колене. Он за время полета дважды проливал на себя кофе. Посмотрел на ее апатичное лицо, крепко сжатые кулаки и пристыженно опустил голову. Достал свой неопрятный паспорт и старенький дорожный рюкзак.

Домой ехали порознь. Лада взяла такси.

Зима из Киева уже уползала, причем — задом наперед, и начиналось унизительное межсезонье. Погода не могла устаканиться и от этой нестабильности рыдала по ночам. Утром шмыгала простуженным носом и страдала хроническим гайморитом. Наваливалась сыростью, сумбуром, сухотами. Серая вода расплескивалась по тротуарам и постоянно выходила за контуры луж. Мраморные облицовочные камни уже несколько месяцев не просыхали и боялись осложнений типа пневмонии.

Люди старались поскорее юркнуть в заплыванные, но теплые подъезды, подняться на свой этаж, в квартиру, встать под душ и долго поливать себя кипятком. Никто уже не обращал внимания на красочные афиши и рекламные щиты. На то, что скоро в модной галерее откроется выставка «Украинский эротизм». Все озаботились психикой расстроенной погоды.

Одни вечерами спасались вязанием, крутя амплитуды толстыми спицами. Другие обкладывались кроссвордами и выворачивали наизнанку Google. Третьи основательно прилипали к телевизору или к содержимому холодильника. Лада в свободное время утюжила белье. Одновременно горячей подошвой утюга разглаживала воспоминания, а затем выпаривала и уничтожала. Наутро они появлялись, как ни в чем не бывало, словно и не было таких несовместимых с жизнью ожогов.

Прошло несколько дней. Лада и Димка теперь уже по отдельности пытались обустроить свои новые жизни. Обставить новыми привычками и традициями, как мебелью, типа секретера, столика для рукоделия и дамского бюро в стиле «жакоб».

Лебедев кайфовал от новизны и непредсказуемости. От того, что больше не существует правил. Что можно заниматься любовью сразу после завтрака, отодвинув в сторону тарелки с чуть подсохшим желтком. Что можно всю ночь гонять по ночному Крещатику и Подолу, слушать на полную мощность Zaz “Je Veux”, ходить в кино на страшилки, зажигать в клубах и на дискотеках. Они обошли все модные тусовки города: Rich Club, «Бинго» и «Гусеницу». Всюду поражали воображение сумасшедшие танцполы, стриптизерши, целующиеся по-французски, и фирменные коктейли. Ника растрясла его рутину и привнесла свободу, легкость и удовольствия. Она его омолаживала и бодрила. Удивляла и иногда смущала. Не таскала сахар-рафинад исключительно щипчиками и не переживала, если Лебедев подчищал тарелку хлебом или допивал из глиняной миски суп.

Она соблазняла его в примерочной и раздевала в городском парке. Показала совсем другой современный театр, на первом этаже жилого дома на Печерске, где они смотрели «Восемь шагов танго», отстукивая правой ногой сильную долю. В зале театра на задних рядах находились спальные места, и Димка поминутно оглядывался. Потом рассеянно бездействовал в театральном кафе, совершенно не понимая, как в нем обслуживают, а когда догадался, что кофе и чай нужно готовить самому, а деньги оставлять на подносе — вытащил из бумажника пятьдесят гривен. Ника тут же выхватила купюру и спрятала ее в карман. После спектакля он еще долго не мог забыть фразу, произнесенную главным героем: «Мы входим в любовь, как в танец.

А танец — это схема, работающая безотказно». Попытался определить, на каком они с Никой шаге, и в конце концов сделал вывод, что они стали в крест и прочно в нем застряли. Как ни крути, а получалось, что шаг пятый.

Лада с головой ушла в работу, выискивая домработниц-филиппинок, специалистов по уходу за дикими животными и мужей на час. Собеседуя замученных текток из провинции, претендующих на должности нянь с проживанием, и тестируя поваров тайской кухни. Улаживая конфликты и утрясая недоразумения. А потом, неожиданно для самой себя, купила билет в оперу. Так совпало, что во время очередной деловой встречи в «Основном инстинкте» стало невыносимо горько на душе, словно и не было во рту бельгийского шоколада. Воспоминаниями нахлынули Димкины фразы. Он называл этот модный бутик мещанской захлавленной квартирой и подчеркивал, что люди давно превратились в рабов собственных накоплений. Лебедева раздражала разбросанные вещи и дорогие ковры. Потрепанные книги и блеклые букетики кермека. В них красный выгорел до цвета розового пупса, а желтый смахивал на разведенную в ведре известь. Его раздражала даже столешница из оникса, а барная стойка, привезенная с Монмартра, напоминала фрагменты из фильма Лассе Халльстрема с Жюльет Бинош. Лада, напротив, восхищалась непередаваемым шармом заведения и подсовывала новые лакомства:

— Дим, ну попробуй! Это же марципаны в черном шоколаде.

— Мне бы черного хлеба с колбасой.

— Ты никогда не изменишься... Так и проживешь простаком.

Он тогда впервые в сердцах укорил:

— Зато ты слишком быстро изменилась! До неузнаваемости!

Лада не обратила внимания на его слова. Отмахнулась от них, как от пыли на обувной тумбе. А потом выплыл еще один эпизод и маячил перед ней до тех пор, пока она в подробностях его не рассмотрела.

На Прорезной открылась новая кондитерская, и Лада силком притащила его в этот итальянский дом мороженого, хотя знала, что равнодушен к сладкому и будет маяться среди изысканных шоколадных профитролей. Она тогда заказала себе клубничный сорбет с базиликом, а ему порекомендовала сорбет манго-розмариновый. Он был жутко голодный и при весе больше ста килограммов считал насмешкой крохотные пирожные Royal и торт Sable Breton. Смотрел на десерты с ненавистью и мечтал о борще с огромным куском мяса и ворохом рубленой зелени. Она только равнодушно пожалала плечами, тронула ложечкой сорбет и ощутила изящно раскрывшийся зеленый чай.

Подобные инциденты исчислялись десятками. Ладе хотелось приучить его к высокому стилю и этикету. Лебедеву, напротив, хотелось оставить все, как было. Есть добротную приготовленную курицу, носить крепкие теплые ботинки и разгуливать по дому в семейных трусах. Неожиданно женщина мысленно перенеслась в город на Приморской равнине. В место площадью в сорок четыре тысячи дунамов, и услышала голос из того маленького семейного салона на улице Daman:

— Очень многое от женщины... Только женщина может возвысить своего мужчину, и только она может полностью его уничтожить.

Как оказалось, в последнем она достигла совершенства.

В пятницу в киевской опере давали «Травиату» — историю куртизанки, отвергнутой обществом. Знаменитое творение Джузеппе Верди в четырех действиях и с тремя антрактами.

Оказалось, что есть еще куда надеть зимнее черное платье Konstantin Miro, приобретенное на одном из последних показов. На лифе болтался бледный, цвета слоновой кости цветок с удлинненными лепестками, словно их долго растягивали предварительными ласками. Лада даже сделала педикюр, буквально затащив себя за волосы в салон, и праздничную укладку. Взглянула перед выходом в зеркало — и не увидела ровным счетом ничего.

В фойе театра в густом человеческом потоке вздрагивали веера. Настраивались бинокли и монокли. В гардероб сдавались надушенные еще зимними духами норковые жилеты и манто. Ухоженные руки жонглировали бокалами. Чаще всего в них болтался настоящий на орехах или ореховых перегородках коньяк. Дамы толпились у зеркал, поправляя искусно наложенный тон. Мужчины дежурили в баре. Лада тоже решила выпить, так как внутри зияла огромная дыра, но опасалась скользких мраморных ступенек. Кроме того, знала, что все выльется обратно, обжигая внутренности, плотную ткань платья, лодочки и отполированный пол.

— Позвольте, я вас угощу?